

Сергей Прокопьев

В ОДЕССУ К БАТЮШКЕ

ИОНЕ

12+

Сергей Прокопьев
В Одессу к бабушке Ионе

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Прокопьев С. Н.

В Одессу к батюшке Ионе / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Схиархимандрит Иона (Игнатенко), духовник Свято-Успенского Одесского мужского монастыря, был таким же почитаемым старцем на Украине, как в России протоиерей Николай Гурьянов с острова Залит, архимандрит Кирилл (Павлов) из Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) из Псково-Печерского монастыря. По свидетельствам духовных чад, отец Иона обладал дарами исцеления, прозорливости. Перед смертью в 2012 году он предсказал кровавые события на Украине. Виталий, герой повести «В Одессу к батюшке Ионе», познакомился с Ионой в советское время, когда тот был ещё иноком. Он рассказывает о батюшке, о монахах Свято-Успенского монастыря, в котором трудился послушником в течение двух лет. Ещё один герой повести, Иван Савченко, в недавнем прошлом полковник-танкист, в тяжёлый период своей жизни (погиб сын) едет из Сибири к отцу Ионе в поисках душевного утешения.

© Прокопьев С. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

БЕДА	5
Первый рассказ раба Божия Иоанна	5
КАК Я НЕ СТАЛ СЕМИНАРИСТОМ	10
Рассказ протоиерея Виталия	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

БЕДА

Первый рассказ раба Божия Иоанна

Папа мой из уральских казаков. Недавно прочитал, казаки-уральцы в большинстве своём придерживались старой веры. Гнула их власть, притесняла два века, а поди ж ты – грянула революция и не поддались на приманку коммунистов о созданиирая на земле. Бога отменим, а рай создадим. Из всех казачьих войск уральцы самыми преданными оказались царю-бабушке и Отечеству. Не пошли в красные под лозунгами «Власть советам» и «Грабь награбленное».

Родителей отца, моих бабушку с дедушкой, в лихие годы выслали с Урала, сначала в Северном Казахстане жили, потом – перебрались в Курган. Старой веры не держались, были православными. Отец носил фамилию Дьяков, не исключено, кто-то из предков был церковнослужителем.

Отец верил в Бога. Врезалась в память картина – мы с ним в храме. Одно из первых воспоминаний детства. Мне года четыре, вторая половина пятидесятых, жили в районном селе, а тут отец взял с собой в Омск. Тёплый летний день, ехали в кузове грузовой машины. Потом Казачок – Казачий рынок. Открытые ряды, лошади у ворот. Отец купил мороженое. Кажется, ничего вкуснее того мороженого в жизни ни до, ни после не ел.

В стаканчике, сладкое...

Потом церковь. В голове отложилось: вот мы с отцом на рынке, проходит короткое время – стоим в храме. Словно совсем рядом от рынка церковь, всего лишь выйти за ворота. До того крепко это ощущение сидит во мне, что до конца не уверен, а Крестовоздвиженский ли это был собор? Хотя – какой ещё? Всего два храма действовали в Омске: Николо-Казанский – на улице Труда, Крестовоздвиженский – на Тарской. Но точно, не на Труда.

У бабушки по маме, бабушки Лены, была икона – Божия Матерь. Заходишь в комнату и первым делом видишь её, в углу висела. Куда после смерти бабушки подевался образ, так и не удалось выяснить. Спрашивал у мамы, тётки – пожимали плечами. А теперь уже и спросить не у кого. Бабушка молилась по утрам, вставала у иконы, молитвы она знала наизусть.

Каким-то образом воспринял дошколёнком от отца ли, от бабушки, что Бог есть. Жил с уверенностью – Он есть. Маленького (лет пяти-шести-семи) оставят дома... Днём не боялся, хоть полдня мог сидеть в одиночестве, с сумерками заползал страх в сердце: а вдруг мама с папой до ночи не вернуться? Встану на коленки: «Боженька, помоги, пожалуйста, чтобы мама с папой пришли быстрее. Мне страшно. Очень тебя прошу, Боженька». Была полная уверенность: надо хорошо попросить Боженьку, и мама с папой обязательно придут. Всегда так и случалось. Помолюсь, а вскоре калитка стукнет. Подхватываюсь и к двери, крючок откидывать. Калитка стукнула, собака не залаяла, значит, мама с папой...

Мама была коммунисткой. Верховодила сначала среди сельской молодёжи – секретарь комсомольской организации, а в войну поставили её председателем колхоза. Молодая женщина, можно сказать, девчонка, только-только замуж вышла и – руководитель большого хозяйства. Крепко ей доставалось, но выдюжила. В войну основная рабочая сила бабы да подростки, с ними билась на трудовом фронте. Надо и планы поставок государству выполнять в соответствии с призывом «Всё для фронта, всё для победы», и колхозников кормить. Справлялась.

Папа у меня Дьяков, а я – Савченко. В чём нестыковка? Мама по первому мужу Савченко. Алексей Семёнович Савченко был на четыре года старше её, директор школы. В начале сорок первого поженились, а на пятый день войны мама проводила Алексея Семёновича на фронт. Их дочь Надежда родилась без него. Был Алексей Семёнович командиром разведроты, погиб в сорок втором под Ленинградом. Но сначала считалось – пропал без вести. Только в середине

семидесятых, я уже училище оканчивал, Надежда поехала в Ленинград, разыскала по архивам, когда погиб Алексей Семёнович, а потом и братскую могилу, где был похоронен с другими бойцами, нашла.

После войны мама с папой сговорились пожениться, а их не расписывают. Нет документального подтверждения, что первый муж погиб. Мама посылала запросы в архивы, но или плохо искали, или формально отнеслись... По закону более одного мужа иметь не полагается. Маме сказали: Антонина Андреевна, мы вас уважаем, но, извините, пока не будет документального подтверждения, что разведены или муж погиб, оформить брак не сможем.

В метрическом свидетельстве меня записали по фамилии матери. Отец, отдавая в первый класс, договорился в школе, и меня записали под его фамилией. После восьмого класса друзья подались в Омск, в авиационный техникум, я, как в том кино – «все побежали и я побежал», – собрался за компанию поступать в авиаторы. Свидетельство об окончании школы оформляли не со слов отца, а по документам, с той поры из Дьякова превратился в Савченко.

Отец горевал, единственный сын не стал продолжателем фамилии...

С техникумом не получилось, вернулся в школу и после окончания десятилетки поступил в танковое училище. На этот раз шёл не за компанию – «все побежали...», решение стать офицером вышло в старших классах. Подавал документы в училище осознанно и страшно боялся. Конкурс, как в престижный столичный вуз, одиннадцать человек на место. В авиационный техникум почему не поступил – завалил математику, и десять классов окончил более чем средненько – семь троек в аттестате. Учителем математики в старших классах была Софья Петровна Приданцева, умница, и не чикалась с нами. Не один раз повторяла, когда мямлил у доски:

– Савченко, будь ты моим сыном, драла бы и драла тебя кнутом, утром для зарядки, вечером для крепкого сна! Моего сна, заметь, не твоего. Ты ведь умный парень, но лень раньше тебя на свет появилась. Кончится тем, что будешь скотником.

– Не буду, – упрямо твердил.

Позорище, конечно, такое слушать на виду у всего класса. Все хихикают.

– А куда тебя возьмут с такими блестящими знаниями и прилежанием. Да и на скотном дворе коровы могут на рога поднять, коли из-за твоей лени по титки в навозе будут стоять круглые сутки.

Окончил училище, приехал в родное село, шагаю с автобусной остановки по улице, новёхонькие лейтенантские погоны на плечах золотом горят в лучах утреннего солнца. Я нет-нет да и скошу глаза, полюбуюсь на долгожданные звёздочки. Чемоданчик в руках. Счастливый! Софья Петровна навстречу. Остановилась, улыбается:

– Савченко, скажи честно, не иначе в училище попался старшина, который из тебя лень вышиб. Я не смогла, родители не сумели, а он нашёл на тебя правило!

– Не, Софья Петровна, – говорю, – сам за ум взялся!

– Ой, не верю!

Обняла, расцеловала:

– Молодец, Савченко! Горжусь!

Без всякого старшины с правилом учился. Но сначала поступить надо было. Боялся не сдать экзамены, молил Бога. Жили в палатках. После отбоя лягу, натяну одеяло на голову и молюсь своими словами. К Господу обращался и Сергия Радонежского умолял. Знал, что есть такой святой, отец говорил: «Сергий Радонежский твой небесный покровитель».

Обещал Господу в училище хорошо учиться, только бы поступить.

На экзаменах парни, у кого четвёрок было меньше, чем у меня троек, остальные пятёрки, срезались, а мне каждый раз попадалось, что знал. Сдал всё на твёрдые «хорошо».

Бывало, и в училище молился после отбоя. Всякое случалось: малодушничал, трусил, против совести шёл. Знал, грех это. Просил: Господи, прости, пожалуйста.

Учиться трудно было. Одновременно и учились, и служили. На прошлой неделе мороз ударил под тридцать, все за голову схватились – ай-ай-ай, какой колотун! У нас, бывало, минус сорок пять, а мы в карауле. На посту стоишь, тулуп до пят, рот полотенцем завяжешь, дышишь сквозь него, иней нарастёт игольчатым ворсом сантиметров в пять. И ничего. Даже ворчали, зачем вместо двух часов, как в нормальную погоду, стоишь на посту всего час. Толком не поспать. Сменишься, чуть прикорнул и опять автомат в руки...

В семьдесят пятом году окончил училище. Послали, само собой, не в Приарбатский военный округ, так Подмосковье называли, отправили в Забайкальский. Читинская область, пол-часа – и китайская граница. Не пограничник, но так получилось – служил в разные годы на четырёх границах: китайской, иранской, турецкой и польской.

Служба шла хорошо, всего восемь месяцев был командиром взвода, потом поставили командиром роты, а это капитанская должность. Через три с половиной года появилась возможность в Германию поехать, да гордыня раньше меня родилась, поспорил с командиром, и с Германией меня прокатили, а потом и с Чехословакией, в результате вместо Европы поехал в Армению, в Закавказский военный округ, что под боком у Турции с Ираном. Но майорскую должность получил. Потом перевели в Нахичевань, это уже Азербайджан.

Год отслужил и подал документы в бронетанковую академию имени маршала Малиновского. Тоже с кондачка не поступишь, если нет у тебя такого счастья, как дедушка генерал. Со всего Союза приезжали желающие. Тогда в армии было более пяти миллионов воинов, танковая группировка насчитывала шестьдесят тысяч танков и всего четыреста человек на курс в академию набирали. Молил Бога, просил помощи. И поступил. Окончил в восемьдесят шестом, послали в Прикарпатский военный округ. Получил там полковника и попросился в СибВО – в Омск. Все рвались на запад, а я с запада на восток, из элитного военного округа в Сибирь, мама заболела, нужен был уход.

Через два года пенсию заработал и написал рапорт. Можно было служить и служить, передавать опыт молодёжи – не захотел. Велеречивый борец за трезвость товарищ Горбачёв начал развал армии, почитатель зелёного змия господин Ельцин продолжил чёрное дело.

Тылы у меня все годы мотаний из округа в округ, из части в часть были отличные. Жена, Оля, дай Бог каждому мужчине такую хозяйку в доме, такой души спутницу по жизни. Двое сыновей. Старший, Антон, прошёл с нами все гарнизоны. После школы полгода поучился на экономическом факультете в университете и сказал:

– Не моё.

Мать ему:

– Тебя же в армию заберут.

– Пусть. Косить не буду.

Шла война в Чечне. Я мог подключить знакомых, но не стал убеждать сына.

Службу начал он в Омске, в учебке ВДВ, после неё отправили в Екатеринбург. Демобилизовался весной, сдал экзамены в университет путей сообщения. Тридцать первого июля зачисление, а он тридцатого погиб.

Что произошло – неизвестно. Нашли в Омске под Горбатым мостом.

Мама моя умерла за три года до этого. Когда она тяжело заболела, начал я ходить в церковь. Приду, ничегошеньки не знаю, ни как записку подать, ни как молебен заказать. Да и не понимал, зачем это? Смотрю, что-то пишут. Спросить гордыня не позволяла. Дескать, мужик до седых волос дожил, бабки, молодёжь, как рыба в воде, он в церкви ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Приду на службу в Крестовоздвиженский собор на Тарскую, постою, молитвы послушаю. Своими словами попрошу за маму, жену, сыновей.

Год ходил вот так. Потом познакомился с отцом Виталием. И прикипел к нему. Мы почти ровесники. Попросился в духовные чада к нему, бабушка замахал руками, мол, какой он духовник, сам недавно в сане. Отказался поначалу. Священником отец Виталий стал, имея два свет-

ских высших образования. Во-первых, технарь, окончил институт водного транспорта, на реке несколько лет работал, во-вторых, диплом омского художника имеет. Хорошо рисует, иконы пишет. Плюс ко всему кандидат в мастера по боксу. Разносторонний человек. Я, кстати, тоже в училище боксом занимался, до первого разряда дошёл. Много у нас общего.

У отца Виталия бабушка была глубоко верующей. Рассказывал, что старец Иона Одесский (это когда тот ещё и старцем не был, а отец Виталий не был священником) учил его, что православный не тот, который много о Боге говорит, а тот, который чувствует сердцем, человек в чём-то нуждается, к примеру, просто-напросто голоден. Ты накорми его, поддержи, чем можешь. Бабушка Виталия жила на Урале. После войны пленные немцы работали у них в посёлке. Могла пригласить незнакомого немца в дом: тяжело тебе, солдатик, садись, поешь. Немец ей: давай, матка, поработаю, что-то сделаю. Как так задарма за стол садиться, чужой кусок хлеба есть? Она поставит перед ним на стол картошку, молока нальёт: ешь. И это при том, что муж с войны не вернулся (больше и не вышла замуж), сын погиб. А она кормит немца, воевавшего с ними. Тот поест, в благодарность попросится дров поколоть или что-то отремонтировать по хозяйству, в огороде поделаться.

«Отец Иона сам был такой, – рассказывал бабушка Виталий. – Я улизну из монастыря на море. Лето кончается, последние жаркие дни, так хочется покупаться. Самочинно сбегу на море.купаюсь, загораю, плавать любил, вода тёплая, заплыву подальше... Солнце, небо... После купания проголодаюсь, а монастырь уже потрапезничал. Просить неудобно. Зайду к бабушке Ионе в насосную. Он глянет на тебя: “Есть, поди, хочешь? Возьми, на столе рыбка тарелкой накрыта, хлеб”. Я не есть, жрать хочу. Рыбу в минуту умну, чаю попью, бабушке на ходу брошу “спаси Бог” и дёру, чтобы не стал спрашивать, где меня носило. Ему и спрашивать не надо, так всё видит. Чувствовал сердцем, что человек в чём-то нуждается. Голодный или на душе тяжело и всегда помогал. И люди к нему тянулись».

Познакомился отец Виталий с будущим духовником Свято-Успенского одесского патриаршего монастыря отцом Ионой (Игнатенко), когда ездил поступать в Одесскую семинарию. Это ещё в советское время. Много о нём рассказывал, а потом повёз меня к нему. Это когда беда у меня случилась.

Нашли моего Антона в Омке в одежде. Как ушёл из дома в джинсах, футболке, кроссовках, курточке-ветровке, погода прохладная стояла, так и нашли. Одно дело купался и утонул, другое – одетым в воде оказался.

Я к отцу Виталию, отпеть надо. Он даже растерялся. А вдруг руки на себя наложил?

– Не должно быть, – говорю, – всё хорошо у парня. В университет поступил. Зачисление – простая формальность. Проходной балл набрал. Да и не набрал бы, не из маменькиных сынков впадать в отчаяние. После армии вообще повзрослел.

Отец Виталий говорит:

– Давай так, я к владыке Феодосию пойду, если благословит, то считай, Бог благословил на отпевание.

Митрополит выслушал отца Виталия и принял решение – отпевай.

Груз с души у меня упал, легче стало. Значит, церковь может молиться за Антона, буду панихиды заказывать, записки подавать.

И всё же точила голову мысль: а вдруг суицид. Никаких свидетелей милиция так и не нашла. Опять же – как ночью в том районе сын оказался? Живём на Левобережье. Мог, конечно, с кем-то, как они говорят, – тусоваться. После сдачи экзаменов на полную катушку расслаблялся.

Прошло две недели после похорон, жена никакая. Просто себя не чувствовала. Я и сам места не находил, на неё посмотрю – сердце кровью обливается, мне плохо, а ей вообще. Спрашивает меня:

– Зачем жить после этого? Зачем?

Отцу Виталию рассказал, мы с женой оба его духовные чада, венчал нас.
– Что делать? – спрашиваю. – Как быть? Боюсь за неё...
– Давай-ка, – говорит, – поедem в Одессу к бабушке Ионе.

КАК Я НЕ СТАЛ СЕМИНАРИСТОМ

Рассказ протоиерея Виталия

В 1986 году я поехал в Одессу поступать в семинарию. Сказать, что было твёрдое желание стать иереем – нет. Два знакомых по приходу парня собрались в Одессу в семинарию, я про себя думаю: почему не попробовать. Тем более – лето, море. Семьёй не обременён, деньги на поездку – не проблема. Пошёл за благословением к владыке Максиму, архиепископу Омскому и Тюменскому. Владыка не знал меня, напрямую не дал благословения, отправил к игумену Борису (Храмцову) в Николо-Казанскую церковь, дескать, раз ты туда ходишь, пусть он решает. Скажет «да» – езжай с Богом.

Игумен Борис мне нравился, молодой, мой ровесник, но из бабушек старого закала. Выслушал и говорит:

– Есть желание попробовать – поезжай, а там как Бог даст. Поживёшь в монастыре, увидишь монашескую кухню изнутри, может, не понравится. Пройди этот искуc.

Я и поехал, положившись на волю Божию.

Одесская семинария на территории Свято-Успенского монастыря располагается. Самый центр города, берег моря... В трёх минутах ходьбы «самое синее в мире Чёрное море...» Походил, посмотрел и решил про себя – буду учиться. Пожить в этом райском месте четыре года – об этом только мечтать можно. Сдал документы. Вскоре ректор семинарии протоиерей Александр Кравченко (интеллигент, интеллектуал) на собеседовании вызвал и огорошил:

– Слушай, ну зачем мы тебе нужны? Сам посуди: мы – отщепенцы, а у тебя два высших образования. Ты коммунизм должен строить, а не с попами дремучими водиться.

Из документов увидел, что у меня за плечами институт водного транспорта, армия, работа на реке, а ещё худграф Омского пединститута, который я заочно окончил. Я-то думал, меня, не желторотого десятиклассника, с руками и ногами возьмут, а получилось, мои дипломы, жизненный опыт наоборот портили всю картину. Ректор честно сказал, что одесский уполномоченный по делам религий костями ляжет, но не допустит такого семинариста, не даст добро. И руководство семинарии по шапке получит от властей за самодеятельность и утрату бдительности. Молодой, самостоятельный мужчина, на обучение которого государство угрожало уйму денег, не рай вознамерился строить на земле со всем народом, засучив рукава, а норовит съехать на обочину столбовой дороги в светлое коммунистическое завтра, пытается увильнуть в церковный омут.

Потом-то я узнал, ректор не стал во все политические тонкости посвящать меня, рассказывать, что у КГБ была установка – с высшим светским образованием не допускать «в попы». А у меня два высших... Вдвойне «держи! не пушай!».

Собрал я вещи... Понятно, в каком настроении поплёлся из монастыря. Прощай Одесса – «жемчужина у моря». Иду и у ворот столкнулся с отцом Ионой. Ничем иным как промыслом Божиим это встречу не назовёшь. Был он в ту пору лишь иноком. Потёртый старенький-престаренький подрясник на нём. К тому времени около пятнадцати лет жил в обители.

Увидел меня понуро бредущего с чемоданом, поинтересовался, отчего печаль-кручина на светлом лице. Объяснил, что с семинарией не выгорело, ректор отец Александр наладил домой, слишком образованным оказался для будущего иерея. Бабушка Иона выслушал и спрашивает:

– У тебя что – дети в Омске плачут?

– Нет, – говорю, – не плачут, и жена не ревёт, по той простой причине – ни того, ни другого не завёл пока.

– Вот и не спеши в свою Сибирь, никуда от тебя не денется.

Предложил остаться дня на три. И повёл в насосную станцию, что находилась у ворот монастыря. В насосной батюшка Ионы оборудовал себе келью, тут же хранил косы, грабли. У стены стояла чурка с бабкой – косы отбивать. Бывало, отобьёт лезвие, брусок мне сунет: «Точи». Помещение просторное, насос где-то в углу, в глаза не бросался. Включался время от времени, не мешал. Уже в то время к отцу Ионе шли люди, а был простым иноком. В насосной паломников принимал.

На следующее утро батюшка позвал меня косить траву монастырским коровкам.

– Косить умеешь? – спросил.

– А как же, рос в сельской местности.

– Пошли!

По берегу моря вблизи монастыря располагались дома отдыха, рядом на пустырях среди кустарников мы косили. Угодья такие, что не разгонишься в трудовом азарте – «раззудись плечо, размахнись рука»: на одном пяточке пару-тройку раз литовкой махнёшь, на другом покрутишься. Зато место какое! Берег высоченный, а внизу, на сколько глаз хватает, море. Купол неба, чаша моря, золотой шар солнца, валы волн до горизонта...

Недавно в интернете попалась чёрно-белая фотография батюшки Ионы, стоит на высоком берегу в старом подряснике, за спиной море, а в руках коса лезвием вверх. Таким был, когда вместе косили.

Ему понравилось, как я запросто с косой обращаюсь. А для меня дело привычное.

– Молодец! – похвалил.

Как батюшка Иона косил, я, конечно, не мог, да и никто в монастыре. Прокос широкий... Когда на лугах с ним косили – картина! Идёт и идёт, идёт и идёт, ни миллиметра лишнего движения. Крестьянская кровь. Я почти на тридцать лет моложе, а не поспевал за ним. Неутраченный. Так-то Ильей Муромцем не назовёшь, но в грудь кулаком себя в шутку стукнет, звук, как по железу удар.

С той косьбы началось наше общение, батюшкино покровительство. Первые две ночи оставлял на ночлег в насосной, затем в келью, что в монастырских воротах, определил. Жил я без благословения отца настоятеля, то бишь – нелегально. Недели через три батюшка Иона представил меня эконому отцу Виталию (Гаенко). Сказал, что лично проверил – сибиряк не из белоручек, работающий, зря монастырский хлеб есть не будет. Эконом против меня ничего не имел, замолвил слово наместнику монастыря отцу Вадиму (Семьяшко). Тот благословил остаться трудником.

Отец эконом новоиспечённого насельника сразу отправил в польмя – на коровник, самое тяжёлое послушание. Зато на коровнике я познакомился с архимандритом Арсением. Много позже понял, каким подарком для меня были монастырские послушания. Тогда не задумывался, что передо мной истинные исповедники веры православной. Это было закрыто для моего разума, понимал – хорошие люди, очень хорошие, не больше. Тот же отец Иона. Мог ли я предположить, что пройдёт короткое время, он станет игуменом, духовником монастыря, почитаемым в православном мире старцем. В келью к нему станут приходить за благословением греческие епископы, патриарх Кирилл. А уж простой люд нескончаемой вереницей потянется за утешением, исцелением, духовными советами. Никогда я не слышал от батюшки: вот бы стать иеромонахом, потом архимандритом. Он был человеком редкого смирения. Одну мечту лелеял – поехать на Афон. Собрал целую коллекцию видов Святой горы. Песни любил про Афон. Сам пел, голос у него тихий, ровный...

Я, грешным делом, думал: мечтать не вредно – кто тебя пустит на Святую гору? В советское время паломничество туда простому человеку было заказано. Атеистическая власть поставила задачу добить русские монастыри на Афоне, для чего общение с соотечественниками всячески пресекалось – не положено! Обители разваливались, монахи голодали, братия

естественным образом убывала, а притока русских насельников почти не наблюдалось. Даже паломником не поедешь. При мне лишь келаря отца Никона неожиданно для него самого включили в делегацию от патриархии. Что было равносильно чуду.

К счастью, я ошибался. Мечтать, оказывается, не вредно, вредно не мечтать – бабушка девятнадцать раз ездил на Афон, подолгу жил там. Ему предлагали остаться на Святой горе – отказался. В бесовское время он нужен был на Украине.

Бабушка вечно кого-то устраивал в монастыре. Смотрю, на тележке везёт гору матрасов, значит, надо паломников обеспечить ночлегом. В праздник гостиница всегда полна-полненька, если насосная набивалась под завязку, размещал паломников прямо в храме. Матрацы на пол и почивайте, братья и сёстры. Монастырское начальство возмущалось до крика: Иона, куда ты опять? А он будто не слышит, буркнет в ответ и по-своему сделает. Каши из трапезной паломникам принесёт. К нему шли и шли с бедами, болезнями, за советом, поддержкой, за его молитвами. Терпеливый на редкость, десять раз одно и то же спросишь – ответит. Не было, чтобы занервничал, дескать, сколько можно долбить одно по одному? Ко всем, кто бы ни обращался – учёный, колхозник, бомж – одинаково относился...

Любил молиться, любил службы, не чурался никакого труда...

Я не понимал тогда – передо мной великий угодник Божий. Знал, чувствовал, большого сердца человек, он тебе как близкий родственник, как отец родной, но не поверил бы, скажи мне тогда: пройдёт совсем немного времени и бабушку будут сравнивать с Кукшей Одесским, могила которого на монастырском кладбище была святым местом для паломников.

Архимандрит отец Арсений, с которым работали на коровнике (он тоже станет в девяностых годах духовником монастыря), нёс послушание скотника – убирал за коровами, кормил их, бывало, и доярком подвизался, монахини-доярки на службу пойдут, он с подоином сядет под корову. Из себя не богатырь, но посмотришь на руки – трудяга. Был родным братом отца эконома архимандрита Виталия.

Мне в жизни везло со студенчества на интересных людей. Свято-Успенский монастырь – особая статья. Тот же отец эконом – сверхлегендарная личность. Бессменный эконом монастыря на протяжении многих лет. А это не шутка – всё хозяйство обители тащил на себе до старческих седин. Кого ни поставят – не тянет. За неделю-другую вникнет в суть дела, поймёт до конца, куда встрял и сколько всего в хозяйстве (насосная, дизельная, холодильники, коровник, свинарник, гараж, склады, водопровод, канализация) на него взвалили. За голову схватится, в ноги отцу наместнику упадёт: не справлюсь! Хоть куда – только не сюда! Отец Виталий как взвалил на свои плечи крест эконома в молодости, так и нёс, пока вконец не обессилел. Лишь после этого потом отец Христофор взял бразды правления в свои руки.

В моё время отец Виталий ого-го-го – бравый, крепкий, красивый человек. В холодное время ходил по обители в генеральской из серого каракуля, без кокарды папахе, офицерским ремнём подпоясанный. Истинное слово – генерал. Юмор не воспринимал. Я пару раз пошутил, и понял – не проходит, лучше держать язык с юмором за зубами. В прошлом подводник отец Виталий пользовался большим уважением у моряков, военная часть которых располагалась вплотную к монастырю. Мореманам частенько излишки молока с нашего коровника доставались, в пост – особенно. Было взаимопользное сотрудничество: моряки нам помогали, чем могли, монастырь – в ответ.

И не только моряки, отца Виталия знали на многих предприятиях Одессы, в хозяйствах области. Мог обратиться в частном порядке к директору завода с проблемами монастыря, в свою очередь обитель в долгу не оставалась. Политику и дипломатию вёл тонкую. Уполномоченному по делам религии то одно, то другое везли из монастыря. Я однажды участвовал в распилке и погрузке дров для его дачи. Монастырское вино время от времени ему отправляли. Славное делал молдаванин отец Ефим. В продажу не шло, а в качестве валюты отец эконом

использовал. Скажем, начальство Госавтоинспекции задобрить. Как-никак в монастыре парк машин, водители.

Хозяйство обители строилось в советское время по принципу – государство в государстве. Своя монастырская насосная станция – воду из скважины качать в случае отключения или поломки городского водопровода. Дизельная подстанция – вдруг город электричество отрубят. От безбожной власти любых козней жди. И воду отключали, и электричество, брали на измор, делали жизнь насельников невыносимой, стремясь выдавить «долгогривых» из монастыря. Расстреливать уже не расстреливали, как в двадцатые-тридцатые годы, но в покое не оставляли.

Мне однажды отец эконом доверил информацию о наличии в монастыре секретного склада бензина. Об этом знал узкий круг лиц. На территории монастыря была тайно зарыта в землю большая ёмкость, в которой на экстренный случай, вдруг на заправках не станет горючего, хранился бензин. И ведь случалось – в городе возникали перебои с горючим. Не один раз отец эконом посылал меня к ёмкостям с канистрой. Делалось это со всеми предосторожностями. Чаще по темноте, это если кому-то срочно понадобилось ехать, и машину надо завести...

Имелись склады продовольствия. В них держали продукты, овощи, фрукты, закрутки собственного приготовления, бочки с вином. Хранилища заполнялись не по щучьему велению. Свой огород на территории монастыря, виноградник. Всё грамотно организовано, продумано. На чердаках висели связки лука, чеснока, тут же орехи грецкие. Отвечал за обширное хозяйство отец эконом.

Монастырский гараж располагал набором легковых и грузовых автомобилей. Даже представительская «Чайка», редкая в Советском Союзе машина, имелась – патриарха встречать или высокого заграничного гостя. В этом случае отец Лаврентий, лучший водитель монастыря, садился в «Чайку» и ехал в аэропорт или на вокзал. При мне приезжал Касьян-сан, православный монах из Японии. Из Индии индус однажды пожаловал, имя не помню, тоже монах. И тому, и другому нравилось гулять по территории монастыря. Вся без исключения братия работает, они прохаживаются. Отцы не могли не пошутить, кто-нибудь посоветует мне:

– Виталий, взял бы ты на коровник Касьян-сана!

– Ага, – скажу, – корова хвостом зашибёт хлипкого японца, мне потом отец благочинный устроит Цусимское сражение, а отец настоятель – взятие Порт-Артура. Пусть лучше отец Геннадий даст японцу послушание по своей канализационной части. Подрядник у Касьян-сана самый подходящий для сантехнических работ.

Подрядники, что у японца, что у индуса светлые. Такие в монастыре не носили. Митрополит Одесский и Херсонский Сергей (Петров), жил он на территории обители в архиерейских покоях, мог себе позволить, из простых монахов – никто. Только архиереи. Это сейчас – без году неделя как он монашеский постриг принял, уже в светлом подряднике форсит. Тогда никто бы не понял, с чего ты вырядился таким фертом. Касьян-сан вальяжно прогуливается по аллеям, и обязательно какой-нибудь наш нерадивый к нему пристроится, вроде как сопровождает гостя. Отцы иронизировали: сам сан палец о палец не ударит, ещё и наших лодырей искушает.

Даже фуникулёр, редкий на то время механизм, в монастыре имелся. Обитель на высоком берегу. С него по тросу, к морю спускающемуся, ходила кабинка. В конце пирса имелась крохотная монастырская территория с небольшим огороженным бетонными плитами домиком – купальня для монахов. Но шли отцы на водные процедуры пешком, фуникулёр предназначался только на случай приезда патриарха в летнюю резиденцию. Монастырь патриарший, на его территории располагалась патриаршая резиденция, всегда готовая к приёму святейшего.

Когда в девяностые годы ездил я в монастырь, уже иереем, от фуникулёра мало что осталось. Проржавела кабинка, исчез подъёмный механизм, как и домик на пирсе. Лестница, что к морю от монастыря спускалась (через сад проходишь, калитка, а за ней деревянная лестница) была в жутком состоянии – ступеньки полусгнившие... И вместо домов отдыха, что стояли рядом с монастырём, одни руины.

Отец эконоом, не переносил нерадивых, зато, если видел, ты работы не чураешься, со всей душой к тебе относился. Приведу пример. Меня и ещё троих семинаристов отправил в колхоз за сеном. Привезти в монастырь прессованного сена на монастырской машине, заодно помочь колхозникам. Выезжали рано утром, накануне вечером, смотрю, отец Виталий везёт на тележке объёмистый фанерный ящик. Казалось бы, эконоом, распорядись и без тебя всё сделают, нет, собственноручно. В ящике колбаса копчёная, сыр, масло, картошка свежая, хорошие консервы и трёхлитровая банка монастырского вина. Полный ящик еды собрал. И говорит: «Хлопцы, если что не съедите – не везите обратно, местным жителям оставьте!» И заговорщицки добавляет, мы-то не видим, что там в ящике: «Я вам немного кое-чего поставил, но только после работы. Колхозникам поможете, а вечером не возбраняю. День постный завтра, но у вас работа тяжёлая, вам можно». С пониманием отнёсся – молодые, работа напряжённая, весь день на свежем воздухе. И скромное положил, и вина благословил после работы выпить.

Причём, всё предусмотрел. Заглянули, кроме еды и «кое-чего» в ящик уложены рабочие рукавицы, два или три полотенца, мыло... Работа на покосе ломовая, мы честно всё сделали, парни работающие попались, а вечером, помолившись, плотно поужинали, вина выпили и помянули добрым словом отца эконоома.

Кроме сена монастырским коровкам, колхозники предложили набрать в обитель арбузов, из расчёта: сколько заберёте – всё ваше, всё равно пропадут. Бахча таких размеров, что устанешь от края до края идти. Колхозники арбузы, что получше, собрали, остальные бесхозно валяются, хоть в футбол играй. Спелые, вкусные и никому не нужны... Сколько могли набрали, привезли отец Виталий похвалил:

– Вот молодцы! Вот уважили! И меня, и братьев.

Любил арбузы.

Отец эконоом редко служил литургию или всенощную, хозяйство требовало постоянного внимания. Но Божьей милостью однажды, в первый свой приезд иереем в монастырь, довелось с ним послужить. Сподобил Господь с таким батюшкой у Своего престола помолиться.

Отец Виталий после года моего житья-бытья в монастыре, пообещал провести кандидатом в семинарию. Дескать, замолвлю слово ректору отцу Александру. Замолвил, я месяц походил в кандидатах, на этом моё обучение окончилось. Снова ректор вызвал и один на один сказал: уполномоченный по религии всё равно не разрешит учиться. Ничего за год не поменялось в лучшую сторону. Установку «не пущать» людей с высшим светским образованием в «попы» КГБ не отменил. А значит, благоразумнее льва не дразнить и не высовываться пока, оставаться в тени. Я отцу Виталию доложил, он развёл руками, мол, ничего не попишешь, жди раб Божий, обшитый кожей своего часа.

В монастырь навевывались монахи из Почаева, Псково-Печерского монастыря, Киево-Печерской лавры, с кем-то сходил на короткое, приглашали в гости. Иногда отец Виталий отпускал, иной раз скажет: «Лучше воздержаться. У них нынче майор КГБ орудует, может аукнуться, как придёт время тебе постриг принимать или рукополагаться». Оберегал на будущее, не влез бы я в историю неприглядную, не подпортил реноме. Но и понимал, кругозор надо расширять, нужны впечатления от других обителей.

В Киев, в Свято-Вознесенский Флоровский монастырь, сам отправил: «Поезжай дней на пять, посмотри, как матушки живут». Попутно поручение дал, посылочку настоятельнице вручить. Первым делом пошёл я к благочинной, та послала к матушке Александре. Захожу,

батюшки святы, как моя бабушка Анна сказала бы, – в келье русская печь. Крутобокая, белёная. И не для музейной красоты. Матушке Александре лет восемьдесят, она каждый Божий день у печи орудует. Назначила себе послушание – каждое утро печь пирожки, печенье, шанежки. Ведерную кастрюлю теста заводит, печёт и отправляетстряпню с монахинями в онкологическую лечебницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.